

асобна і Час

беларускі біяграфічны альманах

выпуск 8

Мінск «Лімарыус» 2018

Укладальнік:
Аляксандр Фядута

Укладальнік выказвае шчырую падзяку
Надзе і Янку Запруднікам, Лізе Літаровіч,
Валянціне і Сержу Трыгубовічам,
без дапамогі якіх гэты том альманаха
ня быў бы надрукаваны.

У чарговым томе беларускага біяграфічнага альманаха «Асоба і час» чытач знойдзе матэрыялы, якія апавядаюць пра Антонія Тызенгауза, Яна Баршчэўскага, Уладзіміра Дубоўку, Міколу Равенскага ды іншых выдатных людзей, якія прынеслі гонар Беларусі. Асобныя раздзелы альманаха прысвечаныя 200-годдзю таварыства філаматаў, «Вялікаму тэрору» сталінскіх часоў і дзейнасці беларускай эміграцыі.

РОК ПЛЫВЕТ НАД ЛИДОЙ

Воспоминания Владимира Крушевского

От публикатора. Гэтыя мемуары не былі скончаныя і ніколі ўжо не будуць скончаны аўтарам, бо з 2005 г. яго няма сярод нас. Але яны расказваюць пра цалкам забытыя старонкі гісторыі і таму маюць вялікую цікавасць для разумення падзей апошніх дзесяцігоддзяў у горадзе Ліда.

Дадам, што я ў свой час быў трошкі знаёмы з аўтарам гэтых успамінаў.

Мемуары Крушеўскага доўгі час захоўвала Ларыса Рыгораўна Канчэўская. Яна перадала гэты тэкст мне для апублікавання, дала ўспаміны пра фестываль і Уладзіміра Крушеўскага, ласкава ўзяла ўдзел у рэдагаванні тэксту.

Тэкст мемуараў я набраў на камп'ютары з мінімальным рэдагаваннем і пракаментываў.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ КРУШЕВСКОМ

Вместо предисловия. Беседа с Л. Г. Кончевской, 28 ноября 2014 г.

Лариса Григорьевна. Я не могу назвать это мемуарами. Объём маловат, и тут мало фамилий участников событий. Скорее, это впечатления, которые остались от творческих напряжённых дней подготовки и проведения фестиваля. Прошло много лет с 1982 по 2005 год. Мы не виделись с 1983 года. Много забылось, выпало из памяти. Тем более что Крушевский уехал в Ошмяны и все эти годы работал там. Он очень хотел оставить воспоминания о таком отчаянном неподъёмном мероприятии, идея которого шла не из планов функционеров, а из задумки молодёжи. В результате она всколыхнула интерес большей части молодых творческих людей города и втянула невольно в свою орбиту и комсомол, и профсоюзы, и советские, и партийные органы. Последние были всем этим очень недовольны. Тем не менее нам давали материалы для оформления, открыли счет для приёма участников.

Я в это попала из принципа. Хоть и не хочется отвлекаться от разговора о Володе Крушевском, но придётся. В сентябре 1981 года в художественную мастерскую цеха № 64 завода «Оптик» забежал второй секретарь горкома комсомола Юра Филатов. В горком перешёл совсем недавно с должности комсомольского секретаря нашего завода. По старой памяти его тянуло в родные места, где было много интересных людей с толковыми мыслями. Одним из таких закутков была наша мастерская, в которой собирался «мозговой трест». Мы — это художники-оформители Маша Полуян и я. Мне выпало «счастье» редактировать и делать заводскую газету. У нас решалась масса всяких дел, толпился народ с заданиями, идеями, просьбами и т. д.

Юра пришёл нас пригласить в горком на встречу с каким-то «сумасшедшим парнем, который придумал интересную вещь», обещал позвать активный народ с заводов и прочих организаций.

— Какую интересную вещь? — полюбопытствовали мы.

— Придёте — узнаете... — купил он нас на женское любопытство.

И мы пришли, а с нами — ещё человек семь наших, оптиковских, и три-четыре незнакомых, видно, тот самый «активный народ» с отсутствующим видом. Филатов сделал косноязычную преамбулу и выпустил свой «сюрприз». С места метнулся один из «отсутствующих» — тощий парнишка с семинаристской причёской на прямой пробор. Бросался в глаза необычный цвет волос — смесь белых и серых

прядей (тогда ещё о мелировании представления не имели). Я всмотрелась: нет, не раскрас — натуральный выгорающий блондин. Не сразу вслушалась, но звучало у него что-то вызывающее, презрительное, очень ироничное типа «застой провинциальный, тоска, смертельная скука в городе, одни дискотеки, танцуйки пошлые» и т. д.

Мне, уже притомившейся к своим тридцати пяти годам от театров, ансамблей, молодёжных клубов, которых у нас хватало, стало «за державу обидно». Не выдержала и накинулась на юного наглеца коршуном. Маша одобряла меня.

— А что ты знаешь о культурной жизни города?! Где ты бывал?! Что видел?! И для первой встречи с людьми такой тон недопустим! Мысль о фестивале недурна, но мы организуем его сами без всяких залётных нахалов! — Повисла пауза... Я чувствовала, что перестаралась.

Белобрысый хищно и удовлетворенно улыбнулся... Начался конструктивный общий разговор о списке ансамблей-участников, оргкомитете, финансовых средствах, сроках, звукооператорах, художниках, электриках и т. д. Вот так я купилась опять. Невольно возникла ответственность за взятые обязательства. И ещё я всегда мечтала о творческом братстве, где люди одной командой делают какое-то интересное дело (сейчас модно говорить «проект»). К сожалению, не всегда получалось. Для этого нужен ряд условий: единомыслие участников, целеустремлённый организатор и поддержка тех, кто может дать деньги, материалы, помещения, обеспечить порядок. И вот получилось! И все 23 года Крушевский, понимая это, тосковал о том времени. В воспоминаниях ему хотелось вновь реально пережить, что было: полёт, преодоление преград, дружбу и доверие окружающих людей и, в конечном счёте, своего рода победу, хотя и с потерями, как всегда.

Лавреш Леонид. Он в Лиде работал санитарным врачом?

Л. Г. Да. В 1981 году приехал в Лиду после распределения. Он родился здесь, окончил 1-ю школу, работал в горгазе, служил в армии в Калининграде. Поступил в минский мединститут на санитарное отделение, собрал ансамбль и был его бессменным руководителем, композитором, гитаристом и певцом. Всё свободное время он посвящал репетициям, а на каникулах они разъезжали по сейшнам, фестивалям официальным, полуподпольным, по договорённости. Таким образом складывался его вкус (на мой взгляд, по-настоящему хороший), информированность, наживалось мастерство музыканта.

По приезде в Лиду после столицы, института и любимого сыгранного ансамбля всё виделось серым и бессмысленным. Он возмечтал организовать здесь музыкальный театр и спросил у старшей сестры Лили, не знает ли она кого-нибудь из самодеятельного театра. Лиля была далека от этого, но вспомнила меня, Ларису Кончевскую, свою одноклассницу, которая была слегка «подвинута» на театре, и посоветовала позвонить мне. Звонить он не стал.

С идеей рок-фестиваля и пошёл в горком, где я в возмущении на него наорала. Так и познакомились. Пока он был в Лиде, мы часто виделись, обнаружив много общего в интересах и вкусах. С нашими оптиковскими туристами он и его жена Люба ходили в походы. Мы менялись книгами. Желая порадовать его, дала ему томик «Люди, годы, жизнь» И. Эренбурга, который его впечатлил. Много лет спустя Володя в одном из первых вариантов «Мемуаров» даже иронично замечал, что «всегда завидовал богатым воспоминаниям Ильи Эренбурга и решил ступить на то же поприще — заняться мемуаристикой». Судя по тому, что у него получилось, он был

талантлив и в писательстве. Из наших последних коротких встреч в 2005 году по отдельным его фразам, словам, терминам угадывалось, что последние 20 лет были для него временем исканий духовного пути, знакомством с некоторыми философскими направлениями, которые в период перестройки занимали большую часть людей, живущих не хлебом единым. После гибели Крушевского его вдова Люба подарила мне Библию, многожды читанную им, подклеенную. Жаль, не удалось поговорить...

РОК-КІРМАШ

Воспоминания, собственноручно написанные Владимиром Крушевским

Сентябрь 1981 г.

Пришло время начала рабочего стажа, эпоха исканий смысла жизни. В глубине души я понимал, что в г. Лида меня ничего особенного не ждёт, и кто знает, может быть, там я больше потеряю, чем найду. Но особого выбора не было. Меня никто нигде не ждал, я был абсолютно свободен, понимаете, абсолютно. Старые связи после окончания вуза прервались, новые связи — я даже не представляю, какими они ещё будут. В перспективе, идеалом мне виделся небольшой музыкальный театр, где можно будет сочинять и играть музыку, общаться с коллективом интеллектуалов¹. Это всё смахивает на студенческое кафе «Сузорье»² минского Радиотеха. Но Минск это не провинция, не Лида. В любом случае, если нет любимого дела, его надо просто придумать...

Октябрь 1981 г.

Перебирал коллекция пластинок.

В глаза бросилась яркая обложка диска венгерской группы «Скорпио»³, где музыканты в свете прожекторов исполняли что-то заводное на фоне стены древнего замка.

Поневоле вспомнилась крепостная стена его Лидского собрата. Выходило плохо.

А что, если организовать рок-фестиваль?

Набросал примерную схему мероприятий по его проведению, а также общие впечатления от подобных редких мероприятий, на которых мне удалось побывать. Вообще фестивали сегодня в большом дефиците, и музыканты групп просто не могут показать себя на людях, да и на других посмотреть. Что можно припомнить? Солигорский межреспубликанский конкурс, где исполнители должны делать обязательную аранжировку совершенно дурацких вещей местных композиторов про «терриконы и шахты», а также про «героев ударной вахты», городские минские конкурсы художественной самодеятельности с совершенно пустым залом и скучающим жюри. Впрочем, был ещё весёлый и свободный музыкальный фестиваль в армянском городе Леникан. Хотя там тоже надо было играть что нибудь армянское — группа мединститута нашла для исполнения «Колыбельную» Хачатуряна и грянула её в тяжёлом роке. Вышло нескучно. Ну, в общем, лиха беда начало. Пойду в горком комсомола фестиваль организовывать.

¹ Не знаю, как сейчас, но примерно так хотели бы видеть своё будущее многие из выпускников вузов 1980-х годов, искали свой «коллектив интеллектуалов» и чаще всего не находили его.

² Знаменитое в то время кафе «Сузорье» по улице Богдана Хмельницкого, бывшее частью комплекса высотного общежития МРТИ.

³ Венгерская хард-рок-группа с элементами прогрессива «Skorpio» была образована в 1973 году.

Ноябрь 1981 г.

Что за жизнь? Пока собрался пойти в горком комсомола, месяц прошёл. В очередной раз раскопав содержание заветной папки, я решил не откладывать дело ни на минуту. Набрав номер горкома, как можно наглее я спросил: «Кто там у вас ответственный за художественную самодеятельность?» «Филатов», — ответила вежливая девушка на том конце провода. Вскоре к аппарату подошёл сам Филатов. Вряд ли стоило объяснять ему слишком много. Разумнее было договориться о личной встрече, что я и сделал. Взяв с собой «записки сумасшедшего», я понёсся в горком. Там меня пригласили в некую комнатушку, где, слегка заикающийся молодой человек с усиками молвил: «Филатов — это я».

Мне оставалось только взять записки и внятно рассказать о затее. А затея та оказалась грандиозной.

Во-первых, Лида организацией молодёжного досуга не блещет.

В городском Доме культуры, древнем и хилом здании, Ефим Поляков крутит дискотеку, исправно выжимая копейку из так полюбившейся «Бони-М» молодёжи. Контингент пониже и попроще обслуживался в Доме культуры обувной фабрики. Ещё можно петь в хоре и посещать танцевальные ансамбли народного направления, коих здесь множество.

Здесь заканчивается первая часть воспоминаний, вероятно, она писалась ранее основного текста. — Ред.

...

Эти заметки долго лежали в столе коммунального отделения Лидской санэпидемстанции, где я работал, не находя себе применения. И хотя давно было решено посетить с данными «откровениями» горком комсомола, рука не доходила до телефонного диска. Требовалось «нахальство», оно должно было вызреть, шёл 1981 год. Кто помнит те времена, тот поймёт. И вот однажды я, в очередной раз раскопав содержимое заветной папки, решил не откладывать дело ни на минуту. Набрал номер горкома, как можно наглее я спросил: «Кто там у вас ответственный за художественную самодеятельность?» «Филатов», — ответила какая-то девушка. Вскоре к аппарату подошёл и сам Филатов. Вряд ли стоило объяснять ему слишком много. Разумнее было договориться о личной встрече, что я и сделал. Взяв с собой «записки сумасшедшего», я понёсся в горком. Там меня пригласили в какую то комнатушку, где слегка заикающийся молодой человек с усиками молвил: «Филатов — это я». Мне осталось только взять записки и внятно рассказать о затее, что я и сделал. А затея в самом деле была грандиозной! Лида тогда организацией молодёжного досуга не блистала.

Народ ломился на супер-дискотеку в «Гелиос», которая проходила в недавно построенном общежитии, где Ефим Поляков⁴ выжимал копейку из так полюбившейся молодёжи «Бони-М». Контингент пониже обслуживался в ДК обувной фабрики. Ещё можно было петь в хоре и посещать танцевальные ансамбли, коих было в те годы множество. Они были поголовно «народные», но народ на их концерты особо не ходил, это было не модно, да и зачастую и скучно.

---

⁴ Ранее Поляков «крутил» дискотеки в здании старого городского ДК, потом перешёл в здание только что построенного здания общежития стройтреста № 19. Поляков работал в стройтресте, и в правом крыле пристроенном к общежитию кафе проходили самые популярные в городе дискотеки.

Так вот, фестиваль Филатову был предложен всесоюзный, что само по себе на фоне средней величины города смотрелось, как я сейчас понимаю, дико. Плюс к этому, название «Рок-кірмаш» и вовсе пахивало чем-то ну если не запрещённым, то и не разрешённым. Отсутствие жюри (а его должны были заменить 100 просвещённых зрителей) и вообще тянуло на что-то западное, свободное, а потому опасное.

Мне ужасно повезло, что Юра Филатов заступил на эту должность совсем недавно и ничего в сущности не понимал. Может, я и ошибаюсь, не знаю.

Поэтому сказка моя возымела должный эффект. «Ну, это будет, наверное, областной масштаб...» — поднял он планку до невообразимых комсомольских высот. Пришлось доказывать ему, что меньше чем за всесоюзный вариант браться не стоит. До сих пор помню его ошалевший взгляд!

Однако через пару дней Филатов, собрав всех на тот момент, как я понимаю, творческих людей города, опять пригласил меня в горком.

Я опять должен был делать доклад о своих «неслабых» намерениях. Пришло немного народу. Из них знаком мне был лишь Фима Поляков, известный на тот момент дискотетчик. Ну а меня, соответственно, вообще никто не знал. Ориентируясь на худшее, докладчик начал резко. Что я тогда нёс, теперь помнится с трудом. Лида была названа «дырой». Общественность загнивает и тухнет. Была вконец раскритикована дискотека Фимы и даже ни в чём не повинные лидские альпинисты. Причём всё это пересыпалось словечками типа «большие боссы», «нужно заставить горком», что немало смущало Филатова. Ещё немного — и была бы реальная революционная ситуация.

«Ты парень, видимо, приехал из Прибалтики, с этими идеями туда и уезжай», — пробормотал Поляков. «Здесь этого сделать тебе никто не даст». Конкурента Полякова — Валентина Сидора, дискотетчика из ДК обувной фабрики, моя идея не проняла, и он удивлённо, с улыбкой хлопал глазами и ёрзал на стуле. Местного интеллектуала и оформителя Ларису Кончевскую обидело хамское поведение докладчика по отношению к лидчанам, и она всем своим видом демонстрировала своё безмолвное недовольство.

Закончилось собрание решением всё обдумать, выработать предложение и собраться «ну, через месяц». Так как я жил тогда ещё институтскими понятиями (хотелось собраться уже завтра), то новость эта меня немного ошарашила.

Потом, поразмыслив, я решил, что всё равно, кроме меня, никто основной работы не знает, и взялся за совершенствование своей папочки с идеями.

А жизнь стремительно летела: работа, хор, рыбалки с друзьями, смутные бормотания родных насчёт женитьбы ...

Так уж вышло, что до Нового, 1982 года мы собраться не смогли.

Мной были заготовлены планы, графики подготовки, образцы положений. Всем известным мне коллективам и в ЦК комсомола основных республик были высланы письма-намерения, где подробно описывалось, что мы хотим, и вежливо спрашивалось, пришлют ли они кого-нибудь.

Попутно с этим успеваю посетить концерт группы «Арсенал» во главе с Алексеем Козловым⁵ в Минске и юбилейную дискотеку Ефима Полякова. На «Арсенал» билеты было достать гораздо легче, чем «на Фиму». Толпа молодёжи истерично

---

⁵ «Арсенал» Алексея Козлова, культового в Советском Союзе саксофониста и джазмена, был, вероятно, одним из лучших джазовых коллективов в СССР того времени.

ломала двери. Со мной Фима тогда поступил оригинально. С видом большого босса он предварительно взял деньги за билеты, сказав, что билеты отдаст при входе. На входе Фимы не было, билетов, естественно, тоже. После переговоров через стекло я понял, что билетов просто нет и не будет. Моя спутница заметно скисла, и всё кончилось бы очень гадко, если бы не Валентин Сидор. Он по-джентельменски достал из кармана два билета и подарил их мне. «Большой души человек», — подумал я. Программа, кроме слайд-фильма Вити Шимановича, была глуповатой и плохо составленной. Пришлось со скучной физиономией пить терпкое вино и выигрывать конкурсы на знание современной музыки. Спутница была, кажется, мною недовольна.

Пока ответа от групп нет, энтузиазм оргкомитета равен нулю. Лишь я не сомневался в успехе «Первого белорусского фестиваля популярной музыки» — так он назывался в письмах-приглашениях. И вот числа 10 февраля в горком приходит первый красочный ответ от джаз-рок-оркестра «Панорама» из города Ровно (Украина)! Предполагается приезд состава в 40 человек с джазовым хором и оркестром! Такой поворот смущает организаторов.

Приходится начать работу, искать место (о замке и речи быть не могло, он и так с трудом держал свои древние стены, потому речи о децибелах рок-музыкантов в нём и быть не могло), решать гостиничные вопросы. Но ещё рано радоваться... Администрация города живёт ещё в зиме. Но надежда есть, и она возрастает после получения писем из Горького и Борисова.

Надеясь решить вопрос о хорошей аппаратуре, а значит, и звучании, я приглашаю на фестиваль группу Минского тракторного завода. Они имели фантастический комплект «Dunacord», купленный для них по бартеру заводом с нешуточным скандалом. Филатов звонил туда несколько раз, но внятного ответа не получил.

Художники начинают работу над проектом оформления города. Лариса Кончевская и Маша Полуян разошлись не на шутку.

Лозунги-транспаранты на дорогах... И это в то время, когда, кроме транспарантов типа «Идея марксизма-ленинизма жить», никто лет сорок в этих краях не видел. Проект оформления был, как для фестиваля в Сан-Ремо, не меньше!

Энтузиазм организаторов зашкаливал. Первый секретарь горкома комсомола товарищ Любушин направился к своему областному начальнику, некоему товарищу В. (интересно, как складываются карьеры таких недалёких людей и где он сейчас?). Товарищ В. был недоволен инициативами райцентра и денег не дал. Почертыхавшись, организаторы начали искать обходные пути, а таковых было немного. Подключившийся Поляков в надежде на доленое участие в проекте даже посетил и банк и экскурсбюро — бесполезно. Тогда помог горисполком. Вероятно, Любушин постарался. И вот мы сидим в кабинете у мэра Азаренко. Он принял нас с Филатовым весьма лояльно, выразил сомнение в целесообразности проведения такого фестиваля, но смету подписал. На следующий день смета ушла в Гродно на утверждение. Сам горисполком деньгами без «высочайшего» разрешения распорядиться в своём городе не мог.

Работы мы себе запланировали много. Пока денег не было, Любушин (по кодовой кличке Германыч) сказал, что пока их нет — не надо и «рыпаться».

А мы продолжали переписку, пришли ответы из Слуцка и Витебска.

Филатов уехал в Минск на очередные курсы по совершенствованию комсомольской деятельности, а я целый месяц ходил в горком, как на работу, забирал

корреспонденцию и пописывал статейки в различные газеты. Готовилась и программа на городское радио. Как-то вместе с диск-жокеем ДК обувной фабрики Валентином Сидором мы целый день вертелись у магнитофона, записывая в стиле популярного тогда польского радио восторженные призывы посетить будущий фестиваль. Качественно сделать это не удалось, но через пару недель, находясь в парикмахерской, я, услышав из радиоточки сей опус, был даже немножко горд. Наряду с сугубо официальной статьёй в районной газете «Уперад», появилась и мини-информация в «Гродненской правде». Первоначальная статья, посланная мной туда, была больше раз в восемь, но и это можно было считать небольшим успехом.

Шло время, и Юрий Иванович Филатов успел к началу мероприятия вернуться из столицы. Можно было начинать прояснять финансовый вопрос. Оказывается, про нашу бумагу в Гродно успели забыть. Филатову пришлось обзвонить с десятков должностных лиц и выяснить, где всё-таки находится бумажка из Лидского горисполкома. Через три дня её нашли, и через неделю она вернулась в Лиду. Из сметы было безжалостно вычеркнуты статьи питания гостей и гостиничные расходы. Но на сердце у организаторов стало легче: всё-таки смета окончательно легализовала фестиваль. Это было главное.

Спешно был собран оргкомитет, где было сказано историческое слово: «Поехали!». И только тогда мы поняли, какой груз проблем лежит на нас.

Главный приз должен был быть изготовлен в Берёзовке на стеклозаводе «Нёман». Мы с Ларисой Кончевской выехали к главному художнику завода В. М. Мурахверу. Это был очень интеллигентный человек с бородкой и изящными руками скульптора. Он пообещал сделать что-нибудь («вы только почаще напоминайте») и, показав знаменитый музей завода, удалился.

Остальные труды были наивно распределены по комсомольским организациям предприятий города. Как потом выяснилось, на бумажки из горкома начихало 99 % комсомольцев.

Проблема ведущих была не менее острой. Удивительно не хотелось видеть на таком фестивале постных дежурных физиономий и комсомольских речей. Ведущая должна была быть очень красива, ведущий — галантен, умён и представительен. Филатов начал присылать кандидатуры для просмотра. Несколько декламаторов стихотворений впечатления не произвели. «Что, у нас нет красивых людей?» — гневно вопрошал я на заседаниях оргкомитета. И вот однажды Юра, хитро улыбнувшись, сказал, что видел какую-то даму на смотре в Доме офицеров и, может быть, она нам подойдёт. Через день он позвонил этой даме домой, и скоро мы встречали её в кабинете у Филатова. Не буду распространяться о сей даме, боюсь, что моё отношение к ней является несколько предвзятым⁶, но помучались мы с ней (по профессии она хореограф) изрядно и по большому счёту ничего не достигли. Это была красивая и респектабельная девушка с нестандартным юмором и хорошо подвешенным языком. Но она могла только торжественно читать тексты и больше ничего. Ведущего на смотрах не выбирали — Кончевская вытащила на свет божий директора какой-то сельской школы Валерия Баранова. Мы, занятые текущими задачами, этим довольствовались. Ну, пусть не красавец, но с дикцией порядок, а потом — посмотрим. И пара ве-

---

⁶ Это будущая жена автора, Любовь Крушевская, умерла в 2008 г. В 1981–1982 гг. руководила хореографической группой ансамбля «Лидчанка». — *Прим. Ларисы Кончевской.*

дущих начала репетиции под удивлёнными взорами перепуганных официанток кафе «Молодёжное».

Всё вроде становилось на свои места. Проснулось Гродно звонками каких-то странных граждан типа «Вася» прямо ко мне на работу. Граждане спрашивали разрешения приехать, клялись синтезаторами «Hohner» и сплошной фирменной аппаратурой. Пришли ответы от горьковского «Времени» и брестских «Мушкетёров». В двери настойчиво ломился восток — Ташкент и Ленинакан.

Примерно в это время, читая Илью Эренбурга, я отметил для себя такие строки: «...у нас ведь тоже слишком много зависит от мнения одного человека. Это неизбежно приводит к трагедии, рано или поздно». В случае с фестивалем это выглядело так. В Лиду наведался первый секретарь обкома комсомола В. Прибыв в город, В. сразу же помчался к П. (первому секретарю горкома партии) и там сразу почему-то спросил о фестивале, выразив недовольство крамольной и опасной инициативой. П. долго не думала (у них в горкоме при появлении кого-нибудь из областных структур вообще думать не принято было) и моментально повелела высочайшим указом разослать отказные телеграммы и мероприятие навсегда закрыть. В. уехал, а мы остались у разбитого корыта. Карту обкома комсомола крыть было нечем.

Помочь могло разве что ЦК комсомола. И тогда я решился на отчаянный шаг. Минск — город юности и, как мне казалось, мою затаённую мечту обмануть не мог. Хотя особой веры тоже не было, я выехал в ЦК по совету Филатова к какой-то Копелевой, которую совсем не знал. Пока попутная машина несла меня в столицу, в уме я сотый раз обыгрывал сцену в ЦК с моим участием. И вот дом у танка, комната КМО (Комитета молодежных организаций), несколько незнакомых комсомольских клерков.

Впрочем, ещё до ЦК наведался я к Диме Подберёзскому, он уже тогда был известным музыкальным критиком. Он без особой охоты перечислил тех, кто мог бы помочь. Из его речей я понял, что «Комсомольская правда» в лице собкора в Минске в конфликт ввязываться не будет, как и другая пресса республики, и единственным шансом действительно была Копелева. Жизнь показала, что эта женщина не зря занимала свое место. Внимательно выслушав мои излияния, она запросила по телефону Лидский горком партии и попросила к телефону кого-нибудь из боссов. П. на месте не оказалось, к телефону подошёл второй секретарь К. Копелева без лишних разъяснений, сходу попросила его немедленно оповестить о фестивале всех представителей республиканской прессы, телевидения и радио. К. в смятении ничего внятного Копелевой ответить не мог.

Это же было ЦК!

Перед отъездом в студенческом общежитии я встретил своего друга, барабанщика нашего бывшего ансамбля Рому Вариварского и рассказал ему о несчастьях фестиваля, пригласив быть членом жюри. Рома, сдувая пену с бокала пива, дико вращал глазами и хохотал.

В Лиде меня с цветами никто не встречал, хотя я летел к друзьям в состоянии невесомости. Впереди был труднейший участок работы, ведь был уже месяц май, месяц под номером пять. Стоит ли говорить, что все так тщательно продуманные графики работы летели к чёрту. Помещения для хранения аппаратуры отсутствовали, афиши находились на пути к печати, призы существовали разве что в проекте. А 19 мая должен был состояться первый концерт! Пришлось мобилизовать все имеющиеся силы и погрузиться в хлопоты.

Гостиницу заказали только через председателя горисполкома А., который раз-машисто написал на отношении «В ущерб всем организациям — разместить». Теперь — билеты, значки, афиши. Директор типографии какие-либо гарантии выполнения заказа давать отказался. Пришлось действовать через знакомых, и это сработало безотказно (помогла начальник стола заказов Таня Баранова). Афиши были уже почти готовы, но перепуганный Любушин остановил своим распоряжением процесс печати. Условие — убрать из афиши названия групп других республик.

Меня это чехарда раздражает с каждой минутой всё больше.

Оргкомитет расширяется. Теперь в него входит двое близнецов, сестрички по фамилии Хильгора — Галя и Жанна. Они приходят сами и приносят варианты оформления сцены. С этим пока ещё очень тоскливо. Обувная фабрика в лице парторга и комитета комсомола просто игнорирует нас. Любушин обращается к П., та по понятным причинам (сам заварил кашу — сам и расхлёбывай) в помощи отказывает. Результат — мы без материалов.

На очередном заседании оргкомитета, а они бывали раз в 2-3 дня, было решено заслать на фабрику Славу Стецко. О нём следует сказать особо. Ещё зимой, продумывая варианты светового решения сцены, я нашёл Стецко. Вернее, он сам пришёл в горком. Ценен он был тем, что работал на заводе «Оптик» и имел высшее радиотехническое образование. В силу высшего образования я тогда верил свято.

Среднего роста парень, средняя улыбка и толстые линзы очков. Сразу подошёл ко мне и заявил: «Ты Крушевский?» «Ну, а ты — Стецко?» — понял я. Ранее Саша Свирид рассказывал мне о нём, как о «существе» необычайно противном, сеющем в своём ближнем окружении хаос при неумеренном общении.

Слава согласился сходить к партийному боссу обувной фабрики Б. И что же? То, что не удалось сделать комсомольскому вожаку, Стецко сделал в течение двух часов. Ткань для оформления сцены была получена.

За приготовление призов в оргкомитете отвечала цеховой секретарь комитета комсомола завода «Оптик» Ольга Панова⁷. В оргкомитете она была секретарём и запомнилась тем, что поддерживала любые мои начинания.

Хорошая девчонка, уроженка каких-то «тульских губерний», она добросовестно ездила и звонила по самым разным инспекциям. Но злой рок повсюду преследовал наше мероприятие. Только главный приз на стекольном заводе три раза не то разбивался, не то лопался (хотя у меня складывалось устойчивое впечатление, что Мурахвер про него просто забыл). Увидеть приз никому не удавалось. Значки Оля заказала на подмосковном оптическом заводе в Лыткарино, родственном лидскому «Оптику». Далее там что-то не ладилось. То не хватало заготовок, то красок.

Чтобы подогнать подмосковную фирму, Ольга была командирована в Москву и пропала. Её тщетно искали на работе и в оргкомитете. Высказывались предположения от внезапной смерти до такого же внезапного замужества. Позже выяснилось, что, обнаружив, что со значками всё в порядке, Панова просто решила отдохнуть в родной Туле.

---

⁷ Ольга Панова, инженер оптик-технолог завода «Оптик», секретарь комсомольской группы цеха № 64, уроженка г. Тулы, приехавшая по распределению в Лиду в 1980 г. — *Прим. Ларисы Кончевской.*

Завертелась карусель. Теперь можно было подключать прессу. «Уперад» шокировал обывателя всесоюзным размахом фестиваля, областное радио вещало о необыкновенном почине лидчан.

На дискотеках ежедневно местные дискотетчики постоянно рассказывали о рок-фестивале. Ажиотаж нарастал! Числа 14-го наконец-то забрали афиши. Зелёной и красной (вот сочетание!) типографской краской был напечатан текст и герб фестиваля. Это было что-то! Участники оргкомитета долго ходили вокруг пачки в 300 экземпляров, не веря своим глазам. Одновременно с афишами привезли и билеты. Так как речи о продаже их не было, распространять их решили по организациям через заявки. Был составлен план зала, билеты пронумерованы и сложены у Юры Филатова в кабинете.

Кто-то, кажется, с ремзавода, уже на следующий день после публикации материалов в газете «Уперад» принёс официальную заявку. Мы с Филатовым цвели и пахли! Афиши, по уговору, решили клеить ночью. Утром город должен был быть ими оклеен полностью. Бидончик с клеем, пачек 5 с кнопками и весёлая молодая компания в тёплую майскую ночь — как это было здорово! Афиш действительно было много, все расклеить не удалось — просто не хватило клея.

Часть афиш была завезена в Минск и Гродно и расклеена в вузах этих городов. По моим наблюдениям, этими объявлениями почти никто не воспользовался. В то же время в штаб фестиваля (у Филатова) пришли телеграммы от групп «Бамбир» из Ленинакана. Они прилетали в Вильнюс во вторник.

До пятницы их нужно было чем-то занять, и с целью более полного ознакомления с достопримечательностями Лидчины была разработана программа: стеклозавод, пивзавод и, по-моему, какая-та дискотека, шашлыки у Нёмана...

В среду мне пришлось остановить подготовительные хлопоты и уехать в Вильнюсский аэропорт. Во время отъезда произошёл один курьёзный случай. В те времена я постоянно таскал с собой чёрный саквояж. И хоть не помню, честно признаться, что я там носил, тем не менее саквояж всегда был со мной. Лариса Кончевская даже как-то нарисовала на меня шарж.

Так вот, саквояж потерялся. Панова давно уехала, на часах было двенадцать ночи, я был в отчаянии. Поиски внутри комсомольских коридоров ничего не дали. Решив, что искать более бессмысленно, организаторы фестиваля вышли из здания и... о чудо! Посередине тротуара прямо перед горкомом партии стоял мой чёрный «желудок». Прохожие осторожно обходили его уже часа два. Маловероятно, но факт (сейчас бы без милиции и скандала не обошлось бы).

По прибытии мы развлекали армян как могли, армянский чемодан с коньяком был успешно распит. Но для дорогого Володи, как сказал их шеф, пожилой мужчина, мы кое-что оставили. Встреча вылилась в совместной беларуско-армянский вечер, лился коньяк, танцевали и пели до полуночи. Впечатление армянский коллектив оставил исключительно хорошее, и «Бамбир» у лидчан котировался высоко. Из всех инструментов армянские музыканты взяли с собой двенадцатиструнную гитару, дудочку и скрипку, и с таким аккомпанементом народные армянские песни они пели удивительно красиво. Стилль свой армяне относили к категории хард-фольк-рок, но что они покажут на концерте, не знал никто.

Пришла пора распространения билетов. Их было три с половиной тысячи. На каждом необходимо было отметить ряд, место и время концерта. Этим занялась вольнонаёмная комсомольская гвардия Юры Филатова. За воскресенье какие-то

девочки всё расписали, и мы начали делить. Делили долго и нудно. Учитывались личные симпатии, привязанности и многое другое. Делёж затянулся далеко за полночь. Мои появления домой в 2, а то и в 3 часа ночи кажется уже перестали смущать домашних. Помню, сидим мы с Филатовым и его женой, раскладываем билеты по кучкам и клюём носами. И всё же именно это и была жизнь!

На дому у Ларисы Кончевской начала работу «мануфактурная фабрика». Там шилось и клеилось оформление сцены (Лариса и Мария Полуян работали художниками-оформителями, и они изготовили два 6-метровых аппликационных панно на порталы сцены в белорусском стиле). На эскизах и в жизни у них всё получалось довольно хорошо. Задавака-художница из Дома офицеров нарисовала яркую афишку. Её выставили у входа и долго любовались. Над гостиницей и Домом офицеров появилось приветствие гостям фестиваля, над многоэтажным общежитием висела реклама пугающих размеров. Конечно, до автодорог дело не дошло, но даже малая часть рекламной компании поразила скромных лидчан! Организаторы с гордым видом ходили по городу и ревностно следили за афишами — не дай Бог кто сорвёт!

Те сумасшедшие дни совсем перемешались в памяти. Нужно было решить сотни проблем. «Штаб-квартира» Филатова просто ломилась от звонков и посетителей. За всем происходящим я уследить уже не мог, телега покатила сама.

Как-то сами собой появились призы. Из Берёзовки привезли изящную полувазу с надписью, «Оптик» притащил приз номер два — роскошное блюдо на «гробовидном» постаменте, сделанное из редкого и чрезвычайно дорого стекла⁸. Долго не могли сделать для него плексигласовую крышку и наконец сделали, но выяснилось, что не так, как хотелось. Другие заводы тоже тащили разный хлам (как это всегда делается, чтобы не цеплялись). Обувная фабрика дала какие-то башмаки, Сельмаш сделал чеканку, стекловары добавили к основному призу красную вазу с конвейера. Завод пищевых концентратов под личным присмотром Филатова сделал приз для последнего места (был и такой!) — огромную коробку кукурузных палочек.

Спустя полтора года на лидском автовокзале в тоскливую декабрьскую темень я встретил Филатова. Юрка был, как всегда, по-спортивному подтянут и с деловым видом поздоровался со мной. Я уже знал, что он теперь работает в КГБ, на его бывших дверях сменили табличку и эти фестивальные времена никогда уже больше не вернутся. Он уехал в Вороново, я — в Ошмяны... А тогда, в мае 1982 года, мы с ним попивали пиво в баре у бани и смаковали предстоящий бум. После армян, благополучно распивших все свои запасы коньяка, прикатил «икарус» из Витебска. Родион Басс (теперь он заведует «Славянским базаром» и людям в ранге меньше министра, наверное, руки не подаёт) устроил своих музыкантов в гостиницу и пустился в долгие размышления о том, почему власти запрещают проведение фестивалей. В подвале Дома офицеров они размещать аппаратуру отказались и всё хранили в автобусе. Там ночевал их постоянный дежурный.

А украсть там было что: превосходный усилительный комплект, фендер-пиано⁹, самодельный синтезатор. Улучшив свободную минуту, они оккупировали сцену и немного поиграли. А там ещё всю шли монтажные работы. В фойе Лена Зырянова и другие художники рисовали комиксы на музыкальные темы (их показ потом

⁸ Изготовлен Игорем Нелидовым. — Прим. Ларисы Кончевской.

⁹ Электромеханический музыкальный инструмент, широко распространённая разновидность электропианино (электропиано). Один из знаковых инструментов джаза, поп- и рок-музыки 1960-х годов, сохраняющий популярность до настоящего времени.

запретила осторожная заводелом культуры горкома Сидорова), ведущие репетировали тексты, а в зале уже звучала музыка! Играли ребята, конечно, классно. Басс с гордостью испытывал новый радиомикрофон.

Вслед за витебчанами приехали и «Мушкетёры» из города Бреста. Их начальник с хитрым взглядом от репетиции отказался и, предоставив откатанную и заверенную тамошним комсомолом программу выступления, повёл своих людей в гостиницу. Последними в тот день приехали случчане. «Апрель» — так назывался их коллектив. Они были лауреатами межреспубликанского конкурса в Солигорске и пели патриотические, идейно выдержанные песни. Мысленно я уже поставил их первыми — в первый концерт. Да и кого туда можно было поставить — хард-рок, джаз-рок? На открытии фестиваля должна была присутствовать П., по чьей команде фестиваль должен был давно уже быть покойником.

На работе в санэпидемстанции меня как-то не трогали. Являлся я туда утром и после ежедневной планёрки мчался в горком комсомола. Всё было бы не так уже и плохо, но в конторе назрели некие соревнования сандружин. Если кто помнит, в рамках подготовки к войне команды из симпатичных девчат бегали по лесу и в различных очагах поражения (ядерный, химический и т. д.) отвечали на каверзные вопросы. Жюри важно сидело у палаток и принимало дары гонцов от команд. В фаворе, естественно, был пивзавод.

Как ни заманчиво было «пожурить» на таком мероприятии, фестиваль требовал моего постоянного присутствия. Я было заикнулся главному врачу К. об освобождении, но он лукаво посмотрев на меня, сказал, что пусть комсомол обратиться к главному врачу райбольницы А., а там — посмотрим. Дело грозило перейти в проблему кто кого, ведь А. мог запросто отказать комсомольцам, и потом бы вышло наружу слишком многое. И посему пришлось по-тихому договариваться с замом К., любителем рок-музыки М. о запланированном и незаметном исчезновении. М. был сам членом жюри фестиваля и, конечно же, мне помог.

Последний день перед фестивалем. Последние звонки в Горький — их не выпустил обком, в Ровно — они вроде едут, но просят их поставить в субботу последними. Из Борисова — ни слуху ни духу. Расписание и жеребьёвка явно летят к чёрту. Хорошо хоть земляки не подвели: гродненский оркестр «Акцент» прибыл без опозданий.

При выборе времени проведения фестиваля мы исходили из простой истины: надо показать белорусскую природу и сам город с самой лучшей стороны. А когда город красивее всего? Когда ярко-зелёная листва и белоснежным ковром цветут сады. Конец мая, исходя из этого, был выбран неслучайно, и природа не подвела. Яркое весеннее солнце, цветущие сады, в общем, город выглядел, как картинка.

К 10.00 в пятницу было назначено организационное совещание в горкоме комсомола с участием руководителей групп.

Но только к 11 недисциплинированных музыкантов собрал к себе Филатов. Армянам было абсолютно всё равно, когда выступать, «Верность» из Витебска я хотел из чисто фестивальных особенностей (лёгкая и спокойная инструментальная музыка будет восприниматься зрителями после двух дней грохота) поставить в конце второго дня. Но что получится в данном случае, предвидеть было нельзя. «Апрель» из Слуцка привычно ждал жеребьёвки, и ребята очень удивились, когда им было по-дружески предложено выступать первыми. Доводы

были предложены следующие: джаз принято слушать поздним вечером (все разинули рты...), значит, «Верность» выступит в 20.00 в субботу. Армянская группа играет хард-рок, и их надо «спрятать» от подозрительного партийного начальства. Значит, пятница, в последнюю очередь, может быть, номенклатура уйдёт спать.

Кто первый? Брест или Слуцк. Лучше бы, конечно, Слуцк — у них и аппаратуру свою время расставить будет, и репертуар доступный...

Родион Басс, армяне и гродненцы меня поддержали, и Слуцк вынужден был с недовольным видом покориться. В это время к нам в зал залетели до предела затянувшие дело оформители.

Всё вокруг завертелось и закружилось как-то само, осталось только похаживать между горкомом комсомола и Домом офицеров да готовить выделенный нам автобус к отъезду в Минск. Откуда к нам собирался приехать «Университет» во главе с Лёшей Козловским да ещё около десятка членов жюри — в основном это были знакомые мне музыканты и просто друзья.

Собирая их, ещё неделю назад я посетил республиканский конкурс дискотек. Тогдашний директор лидского Дома культуры М., увидев афишу фестиваля на стенде, удивлённо вопрошал: «А слышали? У нас в Лиде — фестиваль!» — это лучшая иллюстрация к роли культработников в культурной жизни города. Автобус, сопровождаемый Галей Хильгора, благополучно прибыл к гостинице «Минск», где около студенческого пивбара «Пну» (пивная напротив университета) ждало жюри и музыканты ведущей рок-группы Минска.

Некоторые члены жюри имели вид, просто скажем, экзотический. Наряду с классическими костюмами были там штормовки, почему-то удочки и даже рюкзаки. Часть из этих людей решила в тёплые майские ночи и дни, в промежутках между концертами, рыбку в Нёмане половить... Гостеприимные организаторы нам такую возможность предоставили.

Время летело быстро. Близилось время первого концерта, а ещё надо было тащить цветы, отвечать на бесчисленные вопросы — куда, что, как. В фойе общепит развернул свою обычную торговлю: пиво «Лидское», шампанское, коньяк. Начал собираться зритель. Все нарядные, торжественные. К моему удивлению, концертная зала заполнилась звукозаписывающей аппаратурой дискотечников. Целый ряд микрофонов ловил каждый звук. Ведущие волновались и метались по пустынной подвальной комнате.

Фестиваль начался звуками известного произведения Мейнарда Фергюссона «Конкистадор». Запись данного произведения была единственной услугой Ефима Полякова фестивалю. Стоя за сценой, я со странным чувством наблюдал за происходящим. Все играли свои роли. Завотделом культуры А., солидный чиновник исполкома, явно аляповато выступил со своей дежурной речью, но был краток, и за это, по-моему, зал явно был ему благодарен. Потом для чего-то дали слово мне, обозначив меня в качестве «автора идеи». Речь я не готовил и сбивчиво объяснил людям, что всё это приготовлено энтузиастами без наличия денежных средств, а также выразил скромную надежду, что когда-нибудь он повторится, этот фестиваль¹⁰.

---

¹⁰ Правка рукописного текста Ларисы Кончевской: «На самом деле выступление Крушевского было во время закрытия фестиваля».

* * *

Внося ясность в записи тех далёких 1980-х, следует вернуться к принципам этого, по-моему, музыкального действия. Каких-либо ограничений по жанрам на фестивале изначально не предполагалось.

По-моему, подобного прецедента до сих пор среди многочисленных теперешних фестивалей не существует. Основным был принцип базара, то есть «кірмаша». Вот тебе — зерно, вот тебе — гуси, а вот, если хочешь, утюг старый покупай!

Артист искусство продаёт, а народ покупает. Без умников-оценщиков и посредников. Поэтому жюри у нас было числом в 100 человек. О том, что мы постарались брать людей, в музыке сведущих, я уже писал.

Сто человек просто не могли быть подкуплены, не смогли бы искать в музыке комсомольско-партийного патриотизма и т. д. Каждый из ста был автоматически свободен в своих решениях. Это было главное.

По опыту других фестивалей я знал, что даже посредственный коллектив мог полгода готовить две песни и в результате выиграть конкурс. Мы здесь пошли по другому пути. Конкурсантам было предложено выступить с часовой программой (!), состоящей только из оригинальной, своей (!) музыки.

Случайные коллективы сюда попасть просто не могли, ибо качественно отыграть концертное отделение были способны только хотя бы полупрофессионалы, вся лажа обязательно выходила наружу. И было страшно интересно, что же из этого всего получится.

* * *

И вот сцена и битком набитый зал, в котором присутствует всё городское начальство, даже первый секретарь горкома партии П. Всё очень красиво. Концертную программу начинает группа «Апрель» из города Слуцка. И целом это был неплохой коллектив, играющий в духе псевдо-«Песняров», «Верасов» и прочих «Самоцветов». Красиво, достойно, в меру политически выдержано и народно.

Аплодисменты, перерыв, буфет, шампанское. П. под бдительным оком организаторов, со своей немногочисленной свитой покидает зал. Далее на сцену выходят «Мушкетёры» из Бреста. Брестчане, не будем этого скрывать, считали себя уже фаворитами мелкого лидского конкурса. Играли они старательно и чётко. По стилю это был рок новой волны, подслушанный из радиопередач соседней Польши. Хорошие аранжировки, добротный вокал, отличные инструменты (у них был даже синтезатор «Moog»). Пели они что-то о своём родном городе Бресте, о вечных «философских» проблемах: «а мои годы летят», «безжалостный асфальт наступает на природу» и тому подобное. Несколько позже я услышал эти мелодии на польском радио, кажется, играла группа «Манаат». Короче, слизали брестские коллеги польский рок без зазрения совести, но Бог им судья. Успех группы был налицо. Из жюри в частных беседах мало кто сомневался в первенстве «Мушкетёров». Такого любительского уровня лидчане ещё не видели.

Рок-музыкантов на концерте, который начинался удивительно поздно для той поры года (21.00), сменил эстрадный оркестр «Акцент» ДК камвольного комбината из нашего родного города Гродно. В их программе вообще смешалось всё: бардовская песня, бойкие эстрадные ритмы и даже молдавская скрипка, которая в эстрадной ритмической аранжировке звучала очень даже профессионально.

Впрочем, говорили, что тот скрипач с неплохими результатами закончил консерваторию. Для зала самым шокирующим был переход от горячих ритмов к бардовской песне. Некий парень с чувством спел под гитару о том, как хорошо «уехать к северным медведям и слушать там предсказание кукушек»¹¹. Народ, разогретый шампанским и пивом, ожидал только тяжёлого рока. Но «Акцент» освистан не был, хулиганы вели себя тихо и внимательно слушали откровение о далёком счастье.

Общий уровень коллектива для самодеятельности областного масштаба был неплох, но шансов у этих гродненских ребят не было никаких. «Мушкетёры» давили ритмом и качеством, явно претендуя на роль лидеров. Первый день завершали музыканты из Литвы. Это была группа «Свет дождя» Вильнюсского комбината стройматериалов. Несколько девушек вокалистов и обычный рок-арсенал из гитар, ударных и т. д.

Зал ожидает литовского крутого рока, но со сцены звучит хорал, расписанный в лучших традициях народных литовских песен. Это звучало уже совсем неприлично, но очень красиво. Ну а следующие песни вообще выбили зрителя из колеи. Поскольку песни были на литовском языке, их содержание музыканты старались предварительно рассказать. Это было очень интересно, типа: «это песня о нас и о вас», «просто вот мы живём, веселимся, а когда собираемся, тогда бывает а, а, а...», «у друзей свободное место» — из зала кричат: «Хата!», «Бъём всё, а потом смотрим: от нашего дома остались лишь осколки, а наши ноги в крови». Всё это говорилось со смехом почему-то. Затем был разыгран целый спектакль, после которого народ и жюри уходили в слегка задумчивом состоянии.

Такого они не слышали. Как-то всё слишком вольно и свободно. После массовой музыки советского периода, звучащей из приёмников, это было волнующе запретно и даже немножко диковато. Концерты первого дня закончились почти в полночь. Но проблем у организаторов меньше не стало. В связи с тем, что группы «Размышление» из Минска и «Голубые ритмы» из Борисова не прибыли на фестиваль, хотя ранее давали согласие и были даже пропечатаны в афишах, пришлось составлять утренний концерт, который начался в 10.00, просто по ходу.

В такую минуту лишний час произвольной программы согласились сыграть армянские друзья. Сначала они добросовестно спели свою парадную программу, а в последние полчаса со сцены зазвучала классика хард-рока — «Deer Purple». В чём-то это сильно смахивало на обычные танцы в столичном Доме культуры, но для выхода из трудного положения, в котором мы оказались, этого было достаточно.

Более всего меня поразило то, что в десять часов утра зал был полностью заполнен людьми! Теперь я не представляю, что могло бы заполнить зал Дома офицеров в десять часов утра... Даже если бы вход был свободным.

Конкурсную программу группа «Бамбир» из разрушенного впоследствии землетрясением Ленинакана отыграла также с энтузиазмом. Смуглые хлопцы уже почти неделю находились в городе, став любимцами завода «Оптик», который взял над ними шефство. И концерт их начался с дружного девичьего вопля: «Гагик! Гагик!»¹² и «Биджай, Бамбир» (Привет, «Бамбир!»). Группа пела грустные и мелодические

¹¹ Вероятно, автор таким образом хотел показать абсурдность текста.

¹² Двух музыкантов из трио «Бамбир» звали Гагик. — *Прим. Ларисы Концевской.*

армянские народные песни под барабаны, скрипку и роковую гитарную аранжировку.

Иногда, впрочем, аранжировка переводила народную музыку в вариант «контры» и армянская фраза бойко заканчивалась воплем: «О, Baby, come back». Во время звучания музыки вокалист Гагик пояснял несознательным лидчанам на русском: «Это контры!» В общем, было весело и балаганно.

Вечером выступают минчане, объединившие свои инструментальные возможности с витебским оркестром «Верность». Подопечные Родиона Басса, никому аппаратуру не предоставившие, минскому «Университету» Леши Козловского отдали буквально всё: и усилители, и фендер-пиано, и ударную установку. Большие музыканты знали друг друга!

И вот погас свет, тихо зазвенели клавишные необыкновенно мелодичного фендер-пиано, и пианистка-солистка сходу запела медленную композицию на английском! У меня в аппаратной от неожиданности захватило дух — конкурс ведь посвящался 60-летию образования СССР и XIX съезду ВЛКСМ. А тут... какой уж тут СССР...

В зале поднялся такой шум, что члены жюри не знали, как себя вести. Народ у сцены размахивал пиджаками и иступлённо орал. Жюри, недолго подумав, также устроила овацию минчанам. Я посмотрел на стоящего рядом Юру Филатова. Он был почему-то спокоен и только молвил: «Ну, хотя бы чуть потише». Уровень коллектива был практически профессиональным. Великолепные гитаристы, отличная певица и виртуозные аранжировки не оставляли никаких шансов другим ансамблям. О реакции зала и говорить было нечего. «Университет» шёл на ура, вызывая огромный восторг зала. Нет, не зря в минском кафе «Сузорье» всегда было много людей.

После «Университета» показать нечто удивительное было трудно. Тем более что после них очередь выступить пришла витебскому джаз-рок оркестру «Верность» с его чисто инструментальной и очень сложной для восприятия музыкой. Витебчане начали с супер-спокойной, просто усыпляющей колыбельной. Вдруг стало ясно, что по качеству звучания это нечто высшее, просто студийный вариант. Удивительное богатство красок звучания фендер-пиано, синтезаторов. Даже бас-гитара была подключена через некие басовые «флейнджеры» и звучала очень нестандартно. Отточенность пассажей и сыгранность была просто необыкновенной. Это был какой-то храм звуков, каждый из которых имел своё место и создавал вкупе некую сказочную гармонию. Даже сейчас, через четверть века, вслушиваясь в звучание полинявшей плёнки типа «школьная» на чудом сохранившемся бобинном магнитофоне, я удивляюсь мастерству, так, по-моему, и оставшихся в неизвестности музыкантов «Верности».

В какой-то момент я понял, что им могут не дать вообще никакого места, но лучших музыкантов лично я на сцене фестиваля не видел. Агитировать, подтасовывать было бессмысленно. Жюри в сто человек было в своём выборе абсолютно независимым. Надежда была только на то, что всё-таки хоть и меньшая часть наших музыкальных судей, но имела музыкальное образование, то есть была представлена студентами и преподавателями музыкального училища и могла по достоинству оценить этот коллектив. В дальнейшем результат голосования превзошёл мои ожидания. Но об этом позже.

Завершал фестивальную концертную программу следующий джаз-рок оркестр «Панорама» из украинского города Ровно. Это был большой коллектив, с двумя

десятками певиц джаз-хора, большой духовой группой, солистами и, по всей видимости, огромным и сыгранным репертуаром, который был весьма разнообразен. В любом другом месте «Панорама» без сомнения брала бы первые места, ибо это был профессиональный коллектив и звучал он очень добротнo.

Шампанское, пиво и необычно позднее для благонадёжных и порядочных людей время разогрели зал до весьма большого уровня. Улыбающийся джаз-хор девушек в юбках с откровенными разрезами наводил на крамольные мысли о ресторанах с известной вольностью отношений. «Ах, Клава...» — пел весёлый хор, в этом ритме гремел диксиленд, и 60-летие СССР вместе с XIX съездом ВЛКСМ были невероятно далеко. А когда грянуло попури на тему тогдашних популярных мелодий (потом я узнал, что его они «содрали» у московского оркестра «Современник»), зал ревел от восторга, пел, свистел и вообще делал что хотел.

В воскресенье был заключительный концерт. Бесплатные билеты уже потихоньку продавались по цене от рубля до трёх, и о свободных местах в зале не могло быть и речи. Проведя заседание оргкомитета, мы подсчитали голоса жюри, которые собрали симпатичные девчонки из танцевального ансамбля ДК обувной фабрики.

Первое место с явным преимуществом заняла «Верность» из города Витебска, второе, к удовольствию рокеров, досталось «Университету» Лёни Козловского, а на третье место с перевесом в несколько голосов вдруг вышли ребята из литовского «Света дождя». Жюри понравились их хоралы и вольный дух произведений. Лучшим бас-гитаристом стал, конечно же, Алексей Козловский, их певица также стала лучшей, а приз лучшему гитаристу отдали группе «Верность». Были и другие призы, никто не был забыт. «Мистером» фестиваля стал Гагик, а мисс поехала в Слуцк.

Не заняли никого места и впоследствии были недовольны фестивалем «Мушкетёры» из Бреста. Удивились пролёту и украинские друзья из Ровно.

Пришлось ещё раз объяснить им, что мы тут ни при чём. Ну, понравился народу «Свет дождя» — и всё, оргкомитет на результаты голосования влиять не может.

В заключительном концерте выступали все, играли по несколько вещей, но концерт этот затянулся часа на три и являл собой красочное зрелище. Кроме официальных судей и зрителей, которые занимали, в том числе и многочисленные приставные стулья, зайцы сидели даже за кулисами сцены, на пожарных лестницах и вообще везде, где можно было сидеть. Представителю каждого из ансамблей предоставлялось слово. Мне лично понравилось выступление Родиона Басса, который сказал, что такое возможно только в городе Лиде.

Сзади меня на несколько рядов размещалась делегация горкома партии во главе с П. Я внимательно наблюдал за ней. И даже следа положительных эмоций не обнаружил. Через полгода она скажет первому секретарю комсомола Любушину, что нужно пропагандировать хоры предприятий района, а не заниматься «чёрт знает чем». Но тогда этого она, сами понимаете, сказать не могла.

Представитель ЦК ЛКСМБ похвалил за инициативу и пообещал некую помощь, о которой забыл уже через месяц. А зритель просто радовался хорошему концерту, празднику музыки, которую он так любил. Когда на сцену под бурю оваций вышли ребята из «Университета» и грянул свой слегка тяжёлый рок, на пожарных лестницах за кулисами что-то зашевелилось и оттуда свалился не в меру расслабившийся

любитель тяжёлых ритмов. Видела его только часть зала с правой стороны, хохота было немало, левая сторона сути происходящего понять не могла и удивлённо молчала. Всё вопросы поглотил грохот барабанов и гитар. Ну а упавший с лестницы рокер бежал за кулисы.

После того как всё закончилось, в душе осталось какое-то опустошение. Был ещё прощальный банкет в ресторане гостиницы «Лида», поздравления и здравицы. Была даже грамота от Лидского горкома комсомола. Ну а потом... потом главный врач прикажет провести проверку моей служебной деятельности и размашисто напишет на заявлении «уволить», другие организаторы вдруг почувствуют к себе внимательное отношение специальных служб и слово «рок» станет роковым для некоторых из них. Шёл ещё только 1982 год. До начала перестройки оставалось ещё три года. Но этого никто не знал.

Подпись. 06.02.2005 г.

Вместо окончания. Гольшанское привидение (От публикатора)

Я поинтересовался, есть ли в интернете что-либо о Владимире Крушевском. И нашёл на сайте ufo-com.net следующий текст.

Реставрация францисканского монастыря в Гольшанах началась в начале девяностых годов прошлого века, а в 1995 или 1996 году при расчистке подвалов был обнаружен скелет, существенно увеличивший градус таинственности. ...

Со слов директора Гольшанского музея, Чеславы Окулевич, следует, что в конце осени, во время расчисток подвала в монастыре, под одной из стен был обнаружен скелет... Ноги скелета лежали под стеной, а тело, с широко раскинутыми руками, обращено к центру помещения. Другие варианты находки скелета: полусидя, ногами под стеной, с ногами, замурованными в стене. В некоторых источниках прямо указывается, что находку извлекли прямо из бреши в стене, и рабочие увидели её только потому, что отвалился большой кусок цемента. Но это маловероятно, скорее, можно говорить о нишах в стенах, которые экспедиция... обнаружила в большом количестве. ...Строителями были два местных рабочих. Они принесли коробку с костями в кабинет директора музея и якобы сообщили, что это останки «той девушки из легенды». <...>

Строители показали место находки Чеславе Окулевич. Затем ударили морозы, и коробка с костями осталась в угловой башенке монастыря. «Так неуютно себя чувствовала с этой коробкой, — рассказала Чеслава Окулевич корреспонденту газеты “7 дней”, — переставляла её с места на место. И наконец решила, что надо её закопать на кладбище, пометить это место, а весной похоронить по-христиански, с отпеванием, поставить крест... Попросила сделать это двоих рабочих. Не знаю, сделали ли. Они умерли с интервалом в четыре месяца. Один — от повышенного давления, другой — от сердечной недостаточности». Одному было 43, другому — 46 лет (в других источниках они уже постарше — 55 и 62 года соответственно).

...

Если дальнейшие события хоть немного правдивы, то аналогия с ними напрашивается только одна — с «проклятием фараонов». ...**Михаил**, сын последней жертвы «призрака», и рассказал следующее. Примерно в 1997 году **Владимир Крушевский**

работал в Ошмянском центре гигиены и эпидемиологии (ЦГЭ, или, как её называли, санстанции) на должности заведующего санитарным отделом. В задачи его профессии входило отслеживание и предупреждение эпидемиологических опасностей.

В один из дней на санстанции раздался звонок, в котором сообщили, что дети в д. Гольшаны Ошмянского района «гоняют какой-то череп по дороге». Разрытое захоронение, конечно же, могло хранить в себе множество опасностей с точки зрения врача-эпидемиолога. **В. Крушевский** поехал проверять информацию. В Гольшанах после опроса местных жителей нашлись тот череп и некая коробка с костями недалеко от дороги. Материал был собран для экспертизы (так как без неё захоронить останки нельзя), после чего кости были переданы местному судмедэксперту. Скорее всего, по забывчивости коробка с костями была выгружена из служебного авто в гараже Ошмянского ЦГЭ, накрыта тряпкой и благополучно забыта. Через несколько лет судмедэксперт, проводивший экспертизу костей, скончался. Говорили, что перед смертью он весил не больше пятидесяти килограммов... За несколько лет нахождения костей в гараже было разбито несколько служебных автомобилей и при странных обстоятельствах умер завхоз санстанции. В 2005 году после поездки на врачебный семинар в Гродно во время возвращения домой группа врачей Ошмянской и Островецкой ЦГЭ попадает в аварию, несколько человек гибнут, в том числе и **Владимир Крушевский**.

Из беседы с бывшим главврачом Вилейской санстанции удалось выяснить, что бесхозные кости из коробки после аварии были переданы для повторной экспертизы и оказалось, что они на самом деле... мужские. Интересно, что краевед Эдуард Корзун упоминал, что накануне обнаружения останков несчастной девушки в 1995–1996 годах к нему приезжали потомки знаменитого рода повстанца З. Минейки из Польши. Они рассказали, что слышали от родителей о рыцаре, замурованном в подвале замка. Но это уже совсем другая легенда.

Подготовлено к публикации Леонидом ЛАВРЕШОМ